

В середине Великого поста, где-то в самой сердцевине Крестопоклонной недели, происходит окончательный перелом в природе. Поднимается и светлеет небо, ветра теряют свою тяжесть, становится живой и упругой ветка дерева. Что-то похожее происходит и с душою, которая, по словам священника Александра Ельчанинова, выходит навстречу добру и злу. То ли истончается и слабеет ненадёжная оболочка нашего тела и крепнет собственный дух, но всё реже волнует нас шум современной жизни, нечистый чад её страстей, а тянет в церковь, в природу, в одиночество. В леса, к берегам вод, на кладбища... Многие высокодуховные старцы совето-

вали своим чадам почаще бывать на кладбищах, особенно во дни Великого поста.

Но вряд ли высветлеет наш дух при виде современных кладбищ! Увы, они, как и наши загрязнённые города, в точности отражают состояние души нынешнего человека: «На русском кладбище могил не найдёшь». Эта строка поэта так и

звучит во мне, когда ступаешь по обители вечного покоя. Не ценит наш современник ни сегодняшней жизни, ни жизни вечной... Тяжело смотреть на покосившиеся кресты, разрушенные памятники, свалки, забивающие проваленные могилы. Видеть, как пробегают детские ноги по уже безымянным холмикам... Не наполнит такое отношение к святине светом и добром ум ребёнка, не даёт облегчения его попечителю. А ведь посещение кладбища — бесценный духовный опыт, имеющий богатейшие традиции в нашем народе, обильно отражённый в ясной стихии русского языка, в его присловиях, приметах, поговорках и сказаниях. «Перед мёртвым не кичись, он сильнее живого», «Покойник, он у ворот не стоит, а своё возьмёт». Как ребёнок, просто и чисто, преловила в народной памяти православное учение русская душа. Церковь научила — душа ответила. Но думается, что и корни святоотеческого предания обо всём, что касается загробной жизни, гораздо старше Православия, питаются истоками библейской глубины — от начала человеческого бытия...

Некогда, за 513 лет до Рождества Христова, персидский царь Дарий Гистапа, утомлённый бесплодной погоней за скифами, послал сказать скифскому царю: «Станный человек. Зачем ты бежишь всё дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся, если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду и вступи с ним в разговор». На что скиф ответил: «Никогда ещё, ни перед одним человеком не бегал я из страха, не побегу и перед тобой... у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы: попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет». Страной могил называли тогда персы землю этого дикого для них рыжеволосого народа. Им не было корысти воевать за чужие кости, и они повернули назад.

Я бы не потревожил туманные седины забытой древности, но тема, которую повелевает затронуть мой архипастырский долг, глобальна и пронизывает мистическую сущность и исчезнувших могучих цивилизаций, и самого незаметного моего соотечественника. Только останки единомышленников привязывали вольного скифа к земле, но ими он освятил и освоил, содеял обетованными суровые просторы средневропейской равнины. По свидетельству летописцев, где-то там в исторических глубинах северных украинских земель, которые изнеженные греки считали покинутыми людьми и богами и называли Скифиею, и коренится происхождение одного из величайших народов на планете, к которому мы с вами и принадлежим. Но суть сегодняшних раздумий не в поисках корней, а в корневых особенностях, которые, связуя нас в единый народ, соединяют с Богом. Почти через два тысячелетия А. Пушкин, вершина русской культуры, сетуя о чванливом беспамятстве современного ему дворянства, раздражённо воскликнул о том, что отношение к дедовским гробам отличает невежество от просвещения. Вот она, Божья связка, которой опоясаны в единое целое и древний скиф, и русский гений, и мы с вами, грешные и нынешние, растерянно вступающие по живому зову сердца в ворота местных кладбищ.

Часом воли Божией называют в народе смерть. В предрешённый этот час «...возвратишься ты в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься...» (Быт. 3.19). И как бы счастливо или скорбно ни жили мы, бедно ли, богато ли, коротка ли, долга ли была наша жизнь, а библейские эти глаголы неосознанно звучат в каждом из нас, то заглушаясь, то грозно усиливаясь. Распахнутая могила, сырая яма с окаёмами свежей земли — вот что повергает нас в трепет, делает бессильным разум и смущает душу. Рокочущие цивилизации последних

веков, насаждая вокруг кладбищ шлакоблочных монстров стальных городов, вытесняя и вытравляя этим как бы саму память о смерти со всею своей безликой бездуховною наукой, всё же слабы и ничтожны перед этим молчаливым зевом свежего рова. Придёт время — канут туда и они. Только вопрос един и жив будет: зачем?! В чём смысл и суть происходящего? Вспомним знаменитый спор гения: «Дар напрасный, дар случайный. Жизнь, зачем ты мне дана?!» и духовника: «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана!» В этой переписке поэта и митрополита, если вдуматься, и лежит тот краеугольный мистический камень, в котором и зиждется весь сокровенный смысл человеческого бытия. А под ним бездна — она вместит в себя и жизнь и смерть, и гибель и спасение. За растерянным вопросом Пушкина слышится уже намеченный отход от веры отцов и, как следствие, страх и печаль перед неизбежностью. За твёрдым и ясным ответом святителя Филарета — стройное и высокое учение Православной Церкви, которая живым смыслом наполняет душу человека, его поступки и самую жизнь, спокойно приуготовляя его к переходу в Царствие Божие. Ни наука, ни гений высочайшей культуры на земле не разрешат вопроса жизни и смерти, только Святая Церковь хранит в бесценных своих сокровищницах благодатные Откровения, переданные ей её подвижниками. Так, св. Макарий Александрийский поведал нам православное учение, явленное ему ангелами, о состоянии души по разлучению её с телом. Это учение утверждает бессмертие души человека и высшую справедливость, награды и наказания за все наши деяния. Два дня после разделения с собственной плотью, учит нас Откровение, душа усопшего пребывает на земле и ходит по местам, которые полюбила. Посещает близких ей по духу или находится подле тела. На третий день она предстает перед Господом, а тело предается земле. «Возвратится перст в землю, яко же бе и дух возвратится к Богу, иже даде его» (Еккл. XII-7). День этот называется третиной и отмечен усиленными молитвами о покойном Святой Церкви. Потому что, поднимаясь к своему творцу, душа проходит воздушные мытарства и часто страдает. До девяти дней ангелы показывают ей обители рая, и после вторичного поклонения Господу душа усопшего видит мучения ада. На сороковой день — в сороковины определяется подобающее ей место. Вот отчего важны сорокоусты по усопшему, дабы смиловался Создатель над его душою. Покойное же тело на третий день меняется, на девятый разрушается и разлагается, но сердце человека ещё остается целым, на сороковины рушится и самое сердце. Такова вкратце кончина жизни человека.

В старину говаривали: «Смерть — злым, а доброму — вечная память». Как точен и приметлив русский фольклор! «Жив — наш, помер — Богов». Православие вжилось в народную жизнь со всею своей первородностью, полнотою, радостью. И особенно словоохотливо отзывался наш земляк в богатом своем просторечии на всё, что касается таинства жизни и смерти. Верил в младенческом простодушии русский человек, что «над каждой могилкою Дух свят». Не досужая эта речь, в ней зерно истины. Однажды св. Макарий Египетский, гласит святоотеческое предание, проходя по пустыне, увидел череп языческого жреца. Благодатию Святого Духа он определил место нахождения души мага: «Неужели Вы никогда не чувствуете никакого утешения?» — спросил он. «Нет, — отвечал сухой череп, — когда ты молишься за мёртвых, мы чувствуем некое утешение». Этот разговор не только удостоверяет нас в действенности заупокойных молитв, но и в том, что останки человека, сухая кость его, сохраняет в себе энергии его прижизненного духа. Так, афонские монахи имели обыкновение по прошествии трёх лет после погребения брата вскрывать могилы и по цвету костей определять -- прощен он или нет? Если нет, то усиливалась заупокойная молитва о покойном. Живая плоть — сосуд челове-

ского духа. Она создана Господом столь же прекрасно, как и всё в Его Творении, и по разлучении её с душою хранит энергию своей души. Так, Господь в часы страданий приложился лицом к убрусу, поднесённому ему сострадательной женщиной, и весь христианский мир имеет в вечное наследие «Спас Нерукотворный». И животворны мощи святых, подле которых исцеляются тысячи верующих. Они хранят в себе очищенную и умноженную подвижнической жизнью благодать Святого Духа. Даже частица святой плоти становится неиссякаемым источником благодати. Она называется Антиминсом, и без неё не может состояться ни одна Божественная Литургия. «Приходите ко мне на могилку, — наказывали своей пастве старцы Серафим Вырицкий и Серафим (Тяпочкин) и старица Матрона Московская, — и я помогу вам». Их могилы, а Матрона уже прославлена и мощи её покоятся в монастыре, почитаемы чрезвычайно, всегда окружены молящимися паломниками, которые едут к ним со всех концов Божьего света со своими болезнями, нуждами, бедами. Так, во дни нашей скорби, перед поворотными событиями жизни мы грядём на могилы родителей испросить совета и получаем облегчение. Нет, точно народная примета!.. Над каждой могилкой, этой пуповиной, сокровенно связующей нас с Божьим Царством, сияет свет любви. И несказанно, промыслительно точен и куда ближе к Богу, чем изошрённый грек или насмешливый перс, был наш огнеликий скиф, когда с угрюмой одержимостью продвигал останки своего народа в девственную глубь неосвоенных земель. В северных краях он сложил родные останки, освятил ими бескрайние земли и основал высокие и сильные державы...

* * *

На исходе была Святая Четырдесятница начала третьего тысячелетия. Наступала Страстная Седмица. Всё ближе к горнему миру постыющаяся душа, всё чаще и строже озирает она свои духовные обитатели. Всё яснее и радостнее поминание о ближних. В Чистый Четверг, после причастия, старается православный побывать на кладбище, прочитать заупокойные молитвы, почистить и прибрать в оградке, подкрасить или помыть кресты, просто помолчать над вечным покоем. На Святую Пасху, после заутрени, отправляется благочестивый христианин на родные могилки прежде похристосоваться с родителями, положить на земной холмик освященное яичко, покрошить небесным птицам пасхального кулича, подать нищему на поминание. На Радоницу — в праздник вселенской радости, выйдем мы единым народом из городов и сёл на родимые погосты помянуть усопших, соединиться, раствориться с ними в радости Христова Воскресения...

Однако трезвенно оглядимся вокруг, возлюбленные мои соотечественники! Сколько грязи, смрада, непристойного сора обнажила весна. И это мы — бессмертная нация, народ Божий, ступаем по тротуарам, забитым отходами нашего быта, наши города превращаются в громадные свалки, реки — в сточные канавы, парки — в отхожие места. И не мудрено! Ведь большинство из них мы основали на месте бывших погребений. Возьмём для примера ЦПКиО. Культура на костях предков! Попираемых, а не благословенных... Когда-то на этой горе было Иерусалимское кладбище, знаменитое тем, что честь быть погребённым на нём заслуживал далеко не каждый иркутянин. Здесь возлежали останки наиболее почётных горожан, много потрудившихся во славу Сибири. Купцы, промышленники, священники, меценаты, писатели и учёные. Мы знаем, как обошлись с их памятью! Не любили большевики славу нашего Отечества, и святость им была не указ. У меня нет желания вослед за многими бросить камень в разрушенную систему недавней

власти. Я даже признаю, что немало из советских лет можно было бы взять под основу для обустройства России. Но мой пастырский долг обязывает меня указать на губительность уничтожения памяти таким варварским способом, как снесение кладбищ с лица земли. Горько, но факт! Дети наши попирают ногами святыни своего Отечества. И мы толкаем их во грех! Чего стоит только один дракон на воротах этого парка, над землёю, освященной останками лучших граждан Иркутска! Ни один из них не захотел бы лежать под этим знаком, символизирующим в их восприятии и вере средоточие сил зла. Не будем обольщаться, дорогие мои современники! Не безобидные это игрушки, а чёрные символы нашего духовного разорения. Когда-то на открытых местах, на взгорьях и у дорог Святой Руси, к коей и причислялся богоспасаемый наш город, стояли часовни, кресты и чудотворные иконы. Ныне мы водрузили драконов, образом которых забавляем и воспитываем наших детей. А «...дракон древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю Вселенную» (Откр. 12.9). Не оттого ли такой страшный разор у нас в стране, в городе, на улице, в доме? От расхристанности души нашей, неясности и подмены в вере, от размытости критериев нравственности. А если мы уберём со святого места эти уродливые аттракционы, все эти чёртовы колёса, драконов и рекламные щиты о пепси-коле и восстановим, насколько сможем, если не кладбище, то само место у Иерусалимской церкви? Пусть будет парк, место покоя, раздумий, крестов и часовни, что-то вроде мемориала, куда в установленные церковью поминальные дни могли бы приходить иркутяне, чтобы почтить память всех от века почивших христиан, и своих земляков, и родных, и близких. И не вводить невинных деток наших во грех. И хоть как-то оправдаться за содеянное. То же с Лисихинским кладбищем. Место последнего упокоения военных лётчиков, иркутян, положивших живот свой за Отечество, принявших на себя удары войны, послевоенного голода. Полуразрушенное, заросшее, готовое исчезнуть с лица земли, повторяя печальную участь Иерусалимского кладбища. Ведь наш с вами святой долг перед почившими согражданами привести кладбище в порядок. Подновить кресты и памятники, поправить могилы, осыпать песком и проторить дорожки и оставить его в покое на вечные времена! И пусть дед приведёт сюда внука, отец — сына, и встанут они благоговейно перед крестом и звездой, потому что это история и память нашего народа. И её не перепишешь заново, и воспитаются дети наши в уважении к народу своему и роду своему...

Прошу вас, дорогие земляки, во дни праздника Святой Пасхи, поминовений дня Великой Победы не проходите мимо затоптанного, давно безымянного холмика, поправьте его, обозначив могилой, разберите мусор над заброшенной могилой, поднимите проваленную. Мы не знаем, кто там покоится, как и не знаем, что будет с нашими останками. Довольно того, что это твои соотечественники, они говорили на русском языке и ходили по твоей земле. И если в русском народе считается, что тому, кто погребёт беспризорные кости, много и тяжких грехов простится, то уход за беспризорной могилой не того же ли стоит?! Научим детей наших благоговейности перед святынями, одной из которых самой значительной и высокой является кладбище. Отсюда начнётся устройство души и земли нашей. И спросится с нас отсюда и воздастся... Таким образом и приложимся мы к роду своему и народу своему! И воссияют наши города и веси чистотою и довольством, покоем и порядком! Да хранит нас всех Господь! Вечная память всем усопшим!